

ПУБЛИЦИСТИКА А.С. ПУШКИНА НАЧАЛА 1830-х гг.: ПРОБЛЕМАТИКА, ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ

**С.М. Нарожняя,
Д.Д. Бондаренко**

Литературно-критическое творчество А.С. Пушкина начала 1830-х гг. - образец публицистических выступлений в борьбе за объективную литературную критику. Тексты А.С. Пушкина демонстрируют возможности использования разнообразных стилистических приемов и языковых средств для достижения публицистической остроты содержания.

Ключевые слова: полемические выступления А.С. Пушкина начала 1830-х гг., роль и место литературной критики, публицистические приемы и языковые средства в пушкинских текстах о критике

PUBLICISM OF ALEXANDER PUSHKIN AT THE BEGINNING OF 1830'S: PROBLEMS, TECHNIQUES AND MEANS OF CREATING PUBLICITY

**S.M. Narozhnyaya,
D.D. Bondarenko**

The literary and critical work of Alexander Pushkin began in the 1830s. It was a sample of journalistic statements in the struggle for objective literary criticism. Pushkin's texts demonstrate the possibilities of using a variety of stylistic devices and language tools to achieve acute publicistic content.

Keywords: Pushkin's polemic statements at the beginning of the 1830s, the role and place of literary criticism, publicistic techniques and language tools in Pushkin's texts about criticism.

Литературно-критические публикации Александра Сергеевича Пушкина вне сомнений – достижение русской передовой литературно-теоретической мысли первой трети XIX столетия. Несмотря на то, что первый литературно-критический очерк – памфлетную характеристику князя Александра Александровича Шаховского – Пушкин написал ещё в 1815 году на страницах лицейского дневника, о журнальной деятельности писателя всерьез можно говорить лишь со времени его участия в «Литературной газете», издававшейся с 1 января 1830 г. одним из его ближайших друзей и единомышленников – поэтом А. А. Дельвигом [Кузьмина 1987: 303-304]. Так, в короткой заметке «О журнальной критике», опубликованной в газете в 1830 г., Пушкин настойчиво опровергает распространенную в журналах периода мысль об отсутствии в России литературы и сетует, что множество произведений, совершенно разных по художественной ценности и влиянию, из-за пренебрежения литературной критикой остаются незамеченными: «Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими

дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч.» [Пушкин 1962 : 33]. Иначе, для Пушкина подмена качественной, глубокой, продуманной литературной критики неудачными остротами и язвительными шпильками в адрес неугодных является самой что ни на есть насущной **проблемой**, требующей неотложного разрешения.

Тексты Пушкина, созданные в начале 1830-х гг., – пример активного участия в полемике о месте и роли литературной критики в развитии отечественной литературы своего времени, в формировании представлений современников о том, какой должна быть литературная критика. В статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и прочем» («Телескоп», 1831, № 15) автор признается: *«... Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием ... долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения»* [Пушкин 1962: 85].

Заметим, что, как известно, выражение **отношения автора** к процессам и явлениям действительности является признаком **публицистичности**. Наше основное внимание посвящено своего рода «инструментария» автора – приемам и фигурам речи, некоторым языковым средствам, способствовавшим созданию в текстах А.С. Пушкина начала 1830-х гг. публицистической заостренности, образности и выразительности.

Убеждённый, что в сложившихся к началу 1830-х годов условиях литературной критикой должен заниматься именно писатель, Александр Сергеевич публикует в апреле 1830 г. в «Литературной газете» анонимный памфлет «О записках Видока». Пушкину удается создать настолько выразительный образ николаевского реакционера, что современники без труда узнали в нём Фаддея Венедиктовича Булгарина, хотя прямого упоминания его имени в тексте нет. Не обладая достаточным уровнем мастерства и знаний, он выступает самопровозглашенным знатоком русской литературы, позволяет себе резкие высказывания в адрес писателей. Пушкин смело вступает в противостояние с неуязвимым, казалось бы, для какой-либо критики оппонентом, упоминает дискредитирующие факты из биографии Булгарина, в том числе политические доносы, сомнительное прошлое его жены. Употребляя в одном контексте слова с противоположным значением («сталкивая» контекстные антонимы), Пушкин создаёт ярко характеризующую Булгарина **антитезу**:

- *«Представьте себе человека без имени и пристанища, ... отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнуемого, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека»;*

- *«... именует себя патриотом, коренным французом, как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество!»;*

- *«... толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен...»;*

- «Видок честолобив» из широкого контекста уже ясно, что это человек без чести – С.Н., Д.Б.);
- «...приходит в бешенство, читая неблагодарный отзыв журналистов о его слоге»;
- «пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует ... о благородстве чувств и независимости мнений» [Пушкин 1962: 64].

Подчеркнем: наличие в контекстах союза **как будто**, местоимения **какое-нибудь** однозначно отрицает саму возможность присутствия того или иного качества, явления.

В той же публикации – «О записках Видока» – за счет «**нанизывания**» глагольных форм автор «сгущает» («уплотняет») текст: *именует себя, уверяет, хвастается, щеголяет, толкует, рассуждает, приходит в бешенство, пишет, обвиняет, толкует*. В результате персонаж приобретает дополнительные характеристики: он активен и деятелен, чем и опасен [Нарожняя 2016].

Ещё более образное и эмоциональное продолжение полемика получает в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», ставшей ответом на антикритику – в адрес Пушкина. Используя такой приём, как **буквальное цитирование**, Пушкин воспроизводит слова Николая Ивановича Греча, утверждавшего, что «*у него (Булгарина. – С. Н., Д. Б.) в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов*». И далее апеллирует к конкретным лицам – издателям газет и журналов, спрашивая: кто же не угодил «*мстительному мизинчику*»? Здесь работает такой приём, как **языковая игра**, основанная на **повторе ключевого слова и его синонимов**: «*мстительный мизинчик указывает и на вас*», «*мизинчик касается не его*», «*не станут... класть ему пальца в рот*», «*вышеупомянутый мизинчик*», «*щекотя газету проказливым мизинчиком*», «*оцарапал сей мизинец*», «*ничьих мизинцев не убоюсь*», «*пальцы мои (каждый особо и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было*» [Пушкин 1962: 84-86].

Первые строчки этой публикации («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем») – и пример использования одной из разновидностей приёма **ретроспекции**, так как воспроизводится цитата из комедии Я. Б. Княжнина «Чудаки»: «... *обнимаются потом всенародно, как Пролаз с Высоносом, говоря в похвальбу себе и в утешение: “Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе”*». Пролаз и Высонос – персонажи-лакеи, что придаёт характеристике Булгарина и Греча добавочную уничижительность, к тому же по отношению к дружбе и сотрудничеству всеми опознаваемых литераторов Пушкин употребляет ироничный **эпитет** – «*назидательный союз*», – подчёркивая, что их отношения построены на ненависти к общим врагам.

В статье «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» («Телескоп», 1831, № 13) Пушкин использует **композиционный приём** – приводит тезис оппонента, а затем **антитезис** – собственный контраргумент [Нарожняя 2016], а именно сначала воспроизводится бук-

вальная цитата: «Там (в № 9 «Телескопа». – С.Н., Д. Б.) взяли две глупейшие вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым», затем, в ответ на это высказывание, Пушкин поэтапно разбирает каждое словосочетание фразы.

- «– «Две глупейшие книжонки!.. какой-то А. Орлов!..» Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора? ибо, слава богу: почтенный мой друг Александр Анфимович Орлов – жив!... »;

- «– «Две глупейшие книжонки!..» Произведения Александра Анфимовича, разделяющего с Фаддеем Венедиктовичем любовь российской публики, названы глупейшими книжонками! – Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга...»;

- – «Глупейшие книжонки!» Но чем докажете вы сию глупость? Знаете ли вы, Николай Иванович, что более 5 000 экземпляров сих глупейших книжонок разошлись и находятся в руках читающей публики, что «Выжигины» г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравне с «Выжигинскими» г. Булгарина; а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может и не должен судить о книгах, которых не читает?»;

- – «Две глупейшие (глупейшие!), вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки»... В Москве, да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях «Сына Отечества» и «Северной пчелы». Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду (намёк на участие Булгарина в походе Наполеона. – С. Н., Д. Б.)».

Покажем другой пример использования указанного композиционного приема: «Блаженный г. Орлов»... Что значит блаженный Орлов? О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога, — то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!!» [Пушкин 1962: 86-87].

Здесь контртезис – это толкование нравственных ориентиров самого Пушкина: блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога. Так в тексте происходит своеобразный «диалог»-спор с оппонентом.

В качестве примера использования такого приёма, как **характеристика «от противного»**, приведём следующий фрагмент из этого же текста («Торжество дружбы...»). В нем перечислены «действия», которые Орлов не совершал, но в реальности они характерны для предприимчивого Булгарина и

выражают ироническое отношение автора к оппоненту: «Между тем какие вспомогательные средства употреблял Александр Анфимович Орлов?

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унизительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.» [Пушкин 1962: 81-82].

Реализация приёма **детализации** происходит через перечисление полных названий произведений двух авторов – Булгарина и Орлова, что тоже работает на создание образов-антиподов, хотя, несмотря на формальное противопоставление, Пушкин обозначает здесь и то, насколько «гениальны» оба литератора: «Фаддей Венедиктович, кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как «Выжигин» в различных изменениях: «Иван Выжигин», «Петр Выжигин», «Димитрий Самозванец, или Выжигин XVII столетия», собственные записки и нравственные статейки — всё сбивается на тот же самый предмет. Александр Анфимович удивительно разнообразен! сверх несметного числа «Выжигиных», сколько цветов рассыпал он на поле словесности! «Встреча Чумы с Холерою», «Сокол был бы сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена»; «Живые обмороки», «Погребение купца» и проч. и проч.» [Пушкин 1962: 80].

Среди приемов, очевидно насыщающих названные тексты Пушкина оценочностью – остротой, едкостью, назовем **синтаксический параллелизм**:

1. «Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем. Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Димитрия Самозванца»; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф. В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловие; Н. И. в «Северной пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине» [Пушкин 1962 : 76-77];

2. «Несмотря на несогласие, царствующее между Фаддеем Венедиктовичем и Александром Анфимовичем, несмотря на справедливое негодование, возбужденное во мне неосторожными строками «Сына отечества»...» [Пушкин 1962: 79].

Покажем и использование А. С. Пушкиным приема **абсурдизации** (доведение до абсурда): «... Николай Иванович доказал неоспоримо:

1) Что М. И. Голенщев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. ...;

2) Что не сражение, а план сражения составляет тайну главнокомандующего...;

3) *Что священник выходит на встречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою...;*

4) *Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагою, в белом изношенном исподнем платье...;*

5) *Что поговорка vox populi - vox dei есть поговорка латинская и что она есть истинная причина французской революции...»* [Пушкин 1962: 77].

Часть текста публикации А. С. Пушкина («Несколько слов о мизинце...») – якобы план «романа» «Настоящий Выжигин. Историко-нравственно-сатирический роман XIX века» – является примером применения такого приёма, как **литературная мистификация**. План представляет собой сатирическую схему биографии Булгарина, при этом обнаруживается большое количество достаточно прозрачных иносказаний:

«Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре (т.е. Выжигин – сукин сын). Воспитание ради Христа (т.е. отсутствие воспитания). Глава II. Первый пасквиль (клеветническое сочинение с оскорбительными нападками) Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! (Глава IV. Дружба с Евсеем (греч. – «благочестивый»). Фризовая шинель. Кража. Бегство (т.е. характеризующие персонаж поступки, состояние). Глава V. Ubi bene, ibi patria (лат. «Где хорошо, там и родина», т.е. фальшивый патриотизм и перебежчество). Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву (т.е. появляется в Москве в составе наполеоновского войска). Глава VII. Выжигин перебегает (т.е. переходит на сторону России). Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартильный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным (начало дружбы с Н. И. Гречем). Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет (издание газеты «Северная пчела») и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танта (город в Египте, считается столицей Дельты, т.е. появление Выжигина в самом центре событий – в Петербурге). Выжигин попадает в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! (намек на своеобразные обстоятельства личной жизни Булгарина) Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки (явная ирония) деревню и с благодарностью объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы (сотрудничество с III Отделением). Глава XVI. Видок, или Маску долой! (аллюзия к статье «О записках Видока») Глава XVII. Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре. (сталкивание названий двух последних глав – антитеза, позволяющая прийти к выводу: Выжигин (т.е. Булгарин) – это человеческий тип, «диагноз» неизлечимого порока)» [Пушкин 1962: 88].

Таким образом, исследованный материал доказывает: Пушкин был всерьез озабочен проблемой отсутствия в современной ему России адекватной литературной критики, подменой серьезной критики высказываниями не заслуживающих доверия и уважения литераторов, которые исполь-

зовали страницы газет и журналов для утверждения собственного «я» и для нападков на соперников. Литературно-критические выступления А. С. Пушкина начала 1830-х гг. представляют собой яркие и образные тексты, объединенные не только общей проблематикой, но и разнообразием публицистических приемов и языковых средств.

Поддержанные в дальнейшем теоретическим осмыслением проблемы в трудах прежде всего В. Г. Белинского, названные публикации А. С. Пушкина можно отнести к образцам литературно-критических выступлений начала 1830-х гг., получившим продолжение и развитие в выступлениях литературных критиков-публицистов 1860-х годов.

Литература

1. Кузьмина Л. И. В орбите «Современника» // Петербургские встречи Пушкина. – Л., 1987.

2. Нарожняя С. М. Приемы и средства создания публицистичности в литературно-критических выступлениях А.С. Пушкина 1830-1831 гг. // Медиа в современном мире. 55-е Петербургские чтения: тезисы Междунар. науч. форума 21–22 апреля 2016 г. / Отв. ред. В.В. Васильева. – СПб.: Институт "Высш. шк. журн. и масс. комм." СПбГУ, 2016. Электронный сборник. Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1457617710_2177.docx

3. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. – Том 6.